

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
31 January 2005
Russian
Original: English

Комиссия международного права

Пятьдесят седьмая сессия

Женева, 2 мая — 3 июня и

4 июля — 5 августа 2005 года

Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят шестой сессии (2004 год)

Подготовленное Секретариатом тематическое резюме
обсуждения в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи
на ее пятьдесят девятой сессии

Содержание

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
Введение	1–4	4
Тематическое резюме	5–134	4
А. Ответственность международных организаций	5–39	4
1. Общие комментарии	5–7	4
2. Статья 1. Сфера охвата настоящих проектов статей	8–10	5
a) Пункт 1	8–9	5
b) Пункт 2	10	6
3. Статья 2. Употребление терминов	11	6
4. Статья 3. Общие принципы	12–13	6
a) Пункт 2	12	6
b) Присвоение поведения международным организациям	13	6
5. Статья 4. Общее правило о присвоении поведения международной организации	14–21	7
a) Пункт 1	14	7
b) Пункт 2	15	7

с) Пункт 3	16	8
d) Пункт 4	17–21	8
6. Статья 5. Поведение органов или агентов, предоставленных в распоряжение международной организации государством или другой международной организацией	22–23	9
7. Статья 6. Превышение полномочий или нарушение указаний	24	10
8. Статья 7. Поведение, которое признается и принимается международной организацией в качестве собственного	25	10
9. Вопрос (а). В какой степени Комиссии следует рассмотреть нарушения обязательств, которые международная организация может иметь по отношению к своим государствам-членам или своим агентам, в свете спорной юридической природы норм организации по отношению к международному праву?	26–29	11
10. Вопрос (b). Может ли международная организация ссылаться на необходимость в качестве исключаяющего противоправность обстоятельства в условиях, аналогичных условиям для государств?	30–33	12
11. Вопрос (с). Будет ли международная организация рассматриваться как ответственная по международному праву за поведение государства-члена, которое было испрошено или санкционировано организацией и которое нарушает международные обязательства как этого государства, так и этой организации?	34–39	13
B. Общие природные ресурсы	40–74	16
1. Общие комментарии	40–44	16
2. Информация о практике	45–50	17
3. Общие рамки для формулирования проектов статей	51	19
4. Сфера охвата настоящей подтемы	52–56	19
5. Проект статьи 1 — Сфера применения настоящей Конвенции	57–59	20
6. Проект статьи 2 — Употребление терминов	60–61	20
7. Будущий проект статьи 3 — Принципы	62–66	21
8. Проект статьи 4 — Обязательство не наносить ущерб	67–69	22
9. Проект статьи 5 — Общее обязательство сотрудничать; проект статьи 6 — Регулярный обмен данными и информацией; и проект статьи 7 — Взаимосвязь между различными видами использования	70–72	24
10. Окончательная форма документа	73–74	24
C. Односторонние акты государств	75–84	25
D. Оговорки к международным договорам	85–112	27
1. Определение возражений	85–96	27
2. Проекты руководящих положений	97–100	31

3.	«Действительность» оговорок	101–112	32
E.	Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права	113–126	35
1.	Общие замечания	113–120	35
2.	Комментарии в отношении исследования о функции и сфере применения нормы <i>lex specialis</i> и вопроса об «автономных режимах» и о набросках различных остальных исследований	121–126	37
F.	Дипломатическая защита (доктрина «чистых рук»)	127–128	38
G.	Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (международная ответственность в случае ущерба от трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности) [Проект статей см. в документе A/CN.4/549/Add.1]		39
H.	Другие решения и выводы Комиссии	129–134	39

Введение

1. На своей пятьдесят девятой сессии Генеральная Ассамблея по рекомендации Генерального комитета постановила на своем 2-м пленарном заседании 17 сентября 2004 года включить в свою повестку дня пункт, озаглавленный «Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят шестой сессии», и передать его Шестому комитету.
2. Шестой комитет рассматривал этот пункт на своих 17–26-м заседаниях 1, 2, 3, 5, 8, 9 и 17 ноября 2004 года. Председатель Комиссии международного права на ее пятьдесят шестой сессии представил доклад Комиссии: главы I–IV, VII и XI на 17-м заседании 1 ноября; главы V и VI на 21-м заседании 5 ноября; и главы VIII–X на 23-м заседании 8 ноября. На 26-м заседании 17 ноября 2004 года Шестой комитет принял проект резолюции A/C.6/59/L.23, озаглавленный «Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят шестой сессии». Проект резолюции был принят Генеральной Ассамблеей на ее 65-м пленарном заседании 2 декабря 2004 года в качестве резолюции 59/41.
3. В пункте 20 резолюции 59/41 Генеральная Ассамблея просила Генерального секретаря подготовить и распространить тематическое резюме прений, состоявшихся по докладу Комиссии на пятьдесят девятой сессии Ассамблеи. В соответствии с этой просьбой Секретариат подготовил настоящий документ, содержащий тематическое резюме прений.
4. Документ состоит из восьми разделов: А. Ответственность международных организаций; В. Общие природные ресурсы; С. Односторонние акты государств; D. Оговорки к договорам; Е. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права; F. Дипломатическая защита; G. Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (международная ответственность в случае ущерба от трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности); и H. Другие решения и выводы Комиссии.

Тематическое резюме

А. Ответственность международных организаций

1. Общие комментарии

5. Было выражено удовлетворение по поводу прогресса, достигнутого в работе над этой темой, в частности принятия семи проектов статей. Было выражено мнение о том, что работа Комиссии имеет большое практическое значение, поскольку в этой области судебная практика, дающая ориентиры, является скудной. Разнообразие международных организаций с точки зрения их структуры, правового статуса, членства, функций и компетенции было указано в качестве одной из ключевых проблем при составлении согласованного стандартного комплекса норм или руководящих принципов.
6. Было обращено внимание на важность привлечения международных организаций к работе Комиссии и акцента на их практике в качестве практической базы в этой работе. Было выражено мнение о важности учета особых ха-

рактик Европейского сообщества, таких, как передача государствами-членами некоторых из своих полномочий этой организации в соответствии с ее учредительными документами, а также использование организацией властей своих государств-членов для соблюдения и обеспечения выполнения ее решений и постановлений. Была высказана идея о том, что большему числу организаций следует предложить представить информацию. Комиссии было рекомендовано не полагаться слишком на неопубликованные или внутренние меморандумы органов международных организаций в качестве источников установившейся практики.

7. Отмечалось, что решение Комиссии составить проекты статей об ответственности международных организаций по примеру проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния является правильным. Предлагалось, чтобы Комиссия: а) рассматривала проекты статей об ответственности государств в качестве отправной точки при изучении этой темы, поскольку организации являются субъектами международного права, которые отличаются от государств в нескольких отношениях, включая их большую степень разнообразия и виды отношений, которые могут устанавливаться между ними и их государствами-членами; б) помнила о различном характере этих организаций, о чем свидетельствуют примеры Европейского союза и Европейского сообщества, при рассмотрении вопроса об адаптации проектов статей об ответственности государств к нынешней теме; и с) внимательно проанализировала уникальные характеристики международных организаций, а не формулировала нормы, которые просто копируют нормы об ответственности государств. Были также высказаны сомнения относительно решения Комиссии составить нынешние проекты статей по примеру проектов статей об ответственности государств, а не отойти от них, учесть существующие право и практику и изучить особые проблемы, связанные с кодификацией права международных организаций.

2. Статья 1. Сфера охвата настоящих проектов статей

а) Пункт 1

8. Было выражено мнение о том, что вопрос об ответственности организаций, учрежденных в соответствии с внутригосударственным правом, и неправительственных организаций должен быть исключен из сферы охвата исследования по вопросу об ответственности международных организаций.

9. Было также выражено мнение о том, что соблюдение условия, согласно которому деяние, влекущее за собой ответственность международной организации, должно быть противоправным согласно международному праву, сопряжено с трудностями, поскольку признано, что государства могут быть привлечены к ответственности за причинившее ущерб деяние в случаях, не запрещенных международным правом, и различные правовые теории, касающиеся ответственности без вины, часто находят отражение во внутригосударственном законодательстве многих стран. Этот вопрос был поднят в Специальном комитете по Уставу Организации Объединенных Наций и усилению роли Организации в связи с правом государства на компенсацию за ущерб, связанный с деянием или решением международной организации.

b) Пункт 2

10. Было предложено включить в конец пункта выражение «членом которой является это государство».

3. Статья 2. Употребление терминов

11. Были высказаны следующие предложения: а) термин «другие образования» следует определить или конкретно указать некоторые критерии для внесения ясности; б) следует использовать более ограничительную формулировку из статьи 2, пункт 1(i), Венской конвенции 1986 года о праве договоров между государствами и международными организациями или международными организациями, поскольку указание на «другие образования» представляет собой прогрессивное развитие, которое не согласуется с международной практикой.

4. Статья 3. Общие принципы**a) Пункт 2**

12. Было выражено мнение о том, что обычная ситуация, предусматриваемая этим положением, заключается в том, что поведение может присваиваться организации-носителю обязательства. Однако Европейское сообщество может считаться ответственным за нарушение международных обязательств в силу поведения государств-членов. Если, например, Сообщество договорилось о введении определенного тарифного режима в отношении третьих государств, соглашение может быть нарушено таможенными властями государств-членов, которым поручено обеспечивать осуществление законодательства Сообщества. Особый случай с Европейским сообществом можно учесть в проектах статей с помощью специальных норм о присвоении поведения, с тем чтобы действия органов государств-членов могли присваиваться организации, с помощью специальных норм об ответственности, с тем чтобы ответственность могла присваиваться организацией, даже если органы государств-членов являлись первичными нарушителями обязательства, лежащего на организации, или с помощью специального изъятия или исключаящей оговорки для организаций, таких, как Европейское сообщество. Предпочтение было отдано одному из первых двух решений.

b) Присвоение поведения международным организациям

13. Было выражено мнение о том, что нормы о присвоении поведения имеют основополагающее значение для успешной работы над всеми аспектами настоящей темы. Была поддержана общая направленность, методология и формулировки проектов статей о присвоении поведения. Отмечалось, что эти положения отражают практические реалии международных организаций, являются достаточно гибкими и учитывают различные функции и структуру таких организаций, а также обеспечивают полезную консолидацию общих норм в этой области. Был также поддержан поэтапный подход к этой теме, предусматривающий сначала разработку критериев для присвоения поведения; отказ от формулирования изъятий из норм о присвоении поведения, как это сделано в статьях об ответственности государств; акцент на поведении, а не ответственности и, следовательно, отделение вопроса о присвоении от вопроса об объеме и последствиях ответственности; и отказ от рассмотрения вопросов, затронутых в статьях 9 и 10 проекта об ответственности государств. Было обращено

внимание на оставшийся вопрос об обстоятельствах, в которых поведение, присвоенное государству, может влечь за собой ответственность государств-членов, и на необходимость формулирования четкого положения о двойном или множественном присвоении. Было высказано предостережение в отношении той ограниченной степени, в которой можно проводить аналогии в сфере присвоения ответственности государствам, с учетом значительных различий в отношениях между индивидом и его страной гражданства и между индивидом и международной организацией, в которой он работает.

5. Статья 4. Общее правило о присвоении поведения международной организации

а) Пункт 1

14. Было выражено мнение о том, что пункт 1 является особо важным, поскольку он устанавливает общую норму о присвоении такого поведения. Было поддержано мнение о том, что поведение органа или агента международной организации при выполнении их функций следует рассматривать в качестве деяния этой организации, поскольку эта точка зрения поддержана в консультативном заключении Международного Суда в отношении возмещения за увечья, понесенные на службе Организации Объединенных Наций¹. Что касается установления того, было ли агенту поручено выполнение функций организации при решении вопроса о том, можно ли поведение присвоить этой организации, то предпочтение перед критерием официального положения было отдано фактологическому критерию. Если обстоятельства указывают на то, что организация осуществляла эффективный контроль над рассматриваемым поведением, то оно должно присваиваться организации, несмотря на какие-либо формальные утверждения или соглашения об обратном. Были также высказаны следующие предложения: а) добавить слова «или бездействия» после слова «деяния»; б) использовать выражение «выступающего в своем официальном качестве» по отношению к агентам; и с) рассмотреть вопрос об исключении выражения «независимо от положения, которое занимает этот орган или агент в структуре организации», поскольку это положение должно определяться правилами организации.

б) Пункт 2

15. Было поддержано определение агента как достаточно широкое, так и конкретное и учитывающее разнообразие международных организаций; предложение об охвате различных категорий физических и юридических лиц или образований, которым поручено осуществление функций международных организаций; и указание различных ситуаций, когда поведение может присваиваться организации. Было обращено внимание на необходимость дальнейшего разъяснения этого определения путем исключения из присвоения частных действий органа или агента, о которых идет речь в пункте 1. Было поддержано предложение об использовании консультативного заключения Суда в отношении возмещения за увечья, понесенные на службе Организации Объединенных Наций, посредством указания не только на официальное положение агента, но и на тот факт, что он был тем лицом, через которое действовала организация. Вместе с тем были высказаны сомнения относительно того, является ли опре-

¹ *I.C.J. Reports, 1949, p. 174.*

деление «агента» как лица, «через которое действует организация» является рабочим определением в юридическом смысле, поскольку это выражение определяет правовые последствия присвоения поведения, но не определяет термин «агент». Кроме того, было предложено, чтобы пункт 2 был сформулирован на основе полного определения, данного Судом в его консультативном заключении, а также статьи 5 проекта статьей об ответственности государств следующим образом: «Агент» или «орган» международной организации — это лицо или образование, которому эта организация поручила выполнять одну из своих функций или содействовать ее выполнению, при условии что «агент» или «орган» действует в этом качестве в каком-либо конкретном случае». Было поддержано предложение о переносе этого определения в статью 2, поскольку оно имеет нормативные последствия для проектов статей в целом.

c) Пункт 3

16. Это положение получило поддержку. Однако было также предложено переформулировать это положение и разъяснить, что правила организации не являются единственным средством для определения круга ведения органов или агентов организации.

d) Пункт 4

17. Было поддержано определение «правила организации», которое основывается на статье 2 Венской конвенции 1986 года о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями и дополняет ее. Было выражено мнение о том, что это определение является одновременно широким и конкретным и учитывает различные ситуации, когда поведение может присваиваться организации. Вместе с тем были также высказаны сомнения относительно необходимости разъяснения этого определения; отхода от определения, содержащегося в Венской конвенции 1986 года; и анализа в каждом конкретном случае характера учредительных документов, решений и резолюций, которые разнятся в разных организациях.

18. Слова «решения» и «резолюции» были сочтены ненужными, поскольку достаточно одной ссылки на «акты организации».

19. Было поддержано предложение о включении выражения «другие акты, принятые организацией» в качестве важного элемента при определении функций органов и агентов. Однако был поднят вопрос о том, равнозначны ли «другие акты, принятые организацией» без каких-либо дальнейших разъяснений правилам организации. Комиссии следует изучить вопрос о том, являются ли некоторые условия необходимыми для того, чтобы такие акты представляли собой правила организации. Было обращено внимание на дела о континентальном шельфе Северного моря², в которых Международный Суд отметил, что государственная практика должна быть как обширной, так и практически единообразной, с тем чтобы представлять собой установившуюся практику согласно обычному международному праву.

² *North Sea Continental Shelf cases (Federal Republic of Germany v. Denmark, and Federal Republic of Germany v. Netherlands)*, Judgement of 20 February 1969, *I.C.J. Reports 1969*, p. 3.

20. Аналогичным образом, было поддержано предложение о включении выражения «установившаяся практика». Однако была также выражена озабоченность по поводу ясности этой концепции и ее равнозначности «решениям, резолюциям и другим актам, принятым организацией». Было высказано предложение о необходимости замены выражения «установившуюся практику» выражением «общепринятую практику», с тем чтобы уменьшить акцент на временном элементе. Кроме того, было предложено заменить нынешнюю формулировку следующим текстом: «Для цели настоящего проекта статьи “правила организации” означают учредительные документы и другие акты, принятые организацией в соответствии с такими документами».

21. Было поддержано предложение о перемещении этого определения в статью 2 об употреблении терминов, поскольку оно имеет нормативные последствия для проектов статей в целом.

6. Статья 5. Поведение органов или агентов, предоставленных в распоряжение международной организации государством или другой международной организацией

22. В положительном ключе отмечалось, что это положение отражает соответствующие принципы в этой области. Критерий эффективного контроля получил поддержку в качестве здорового, правильного, объективного и эффективного критерия при решении этого вопроса; как глубоко укоренившийся в практике Организации Объединенных Наций в рамках операций по поддержанию мира и руководящий принцип всей концепции ответственности международных организаций. Указывалось, что в комментарии эффективный контроль рассматривается главным образом с точки зрения фактического контроля и что эффективный правовой контроль был бы более релевантным по отношению к Европейскому сообществу.

23. Была выражена определенная озабоченность в связи с отсутствием определения или общего понимания критерия «эффективного контроля», а также степени, в которой этот критерий позволял бы должным образом рассматривать весь диапазон потенциальных ситуаций, помимо миротворческих операций. Было высказано предложение о том, что Комиссии следует рассмотреть другие виды сотрудничества между международными организациями и государствами или другими международными организациями при определении критерия присвоения. Кроме того, было высказано предложение о том, что Комиссии следует также рассмотреть следующие вопросы: влечет ли за собой деяние частного лица, действующего под эффективным контролем организации, ответственность организации; ограничение действия положения агентами международных организаций в отсутствие установившейся практики или обычного права в поддержку возможности передачи органа государству в распоряжение или под эффективный контроль международной организации; применение фактологического критерия для определения того, был ли «орган» или «агент» передан в распоряжение международной организации; включение критерия, касающегося осуществления функций организации, с учетом статьи 6 проекта статей об ответственности государств; замена термина «в распоряжение» термином «под эффективный контроль» во избежание смешения вопроса о руководстве «органом» или «агентом» с вопросом об «эффективном контроле над поведением»; разработка двух отдельных положений для охвата, во-первых, присвоения деяний «органа» государства международной организа-

ции и, во-вторых, присвоения деяния «органа» государства этому государству; присвоение в случае совместной операции, когда трудно провести различие между областями эффективного контроля; и менее строгий критерий «общего контроля», использованный Апелляционной камерой Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии в деле *Обвинитель против Душко Тади-ча*³ в отличие от критерия «эффективного контроля», в общем виде сформулированного Международным Судом в решении по делу о действиях военного и полувоенного характера в Никарагуа и против нее⁴.

7. Статья 6. Превышение полномочий или нарушение указаний

24. Было поддержано требование о том, что орган или агент должен действовать в этом качестве как основной критерий для присвоения поведения *ultra vires* и исключения деяний, осуществленных в частном качестве. Однако было выражено сожаление по поводу того, что в комментарии рассматривается различие между поведением во время исполнения служебных обязанностей и поведением при исполнении служебных обязанностей, что вносит путаницу в отношении критерия, установленного в этой статье. Высказывались предложения о том, что следует рассмотреть вопрос о законности поведения органов или агентов до присвоения этого поведения организации, с тем чтобы незаслуженно не присваивать поведение, которое превышает полномочия органов или агентов или явно противоречит инструкциям организации; это положение должно в ясно выраженной форме указывать, что речь идет о поведении, выходящем за рамки компетенции организации, а не просто поведении вспомогательного органа; критерий, изложенный в пункте 1 проекта статьи 4 должен применяться по отношению к любому поведению во избежание использования другого критерия в статье 6.

8. Статья 7. Поведение, которое признается и принимается международной организацией в качестве собственного

25. Статья 7 была поддержана, и отмечалось, что она верно указывает, что компетенция международной организации регулируется ее собственными правилами, акцентируясь на присвоении ответственности, а не противоправного поведения и отражая *mutatis mutandis* статью 11 проектов статей об ответственности государств. Однако внимание также обращалось на отсутствие юриспруденции или практики в поддержку настоящей статьи, которая вступает в противоречие с фактологическим критерием для присвоения. Было предложено продолжить рассмотрение этой статьи с точки зрения реальности такого сценария; рассмотреть политические соображения за и против такого принципа; и рассмотреть связь между проектом статьи 7 и проектами статьями 4 и 6. Было также выражено предпочтение в отношении исключения статьи 7, поскольку деяние, не могущее быть присвоенным организации по международному праву, не может быть присвоено ей другими способами, в том числе по собственной воле организации.

³ International Criminal Tribunal for former Yugoslavia, *Prosecutor v. Tadic*, Case No. IT-94-1 (Appeals Chamber), 31 January 2000.

⁴ *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Merito, Judgment, *I.C.J. Reports 1986*, p. 14.

9. Вопрос (а). В какой степени Комиссии следует рассмотреть нарушения обязательств, которые международная организация может иметь по отношению к своим государствам-членам или своим агентам, в свете спорной юридической природы норм организации по отношению к международному праву?

26. Некоторые делегации поддержали мнение Комиссии по этому вопросу, что укрепит правовую безопасность в отношениях между государствами и международными организациями, членами которых они являются. Было выражено мнение о том, что нормы организации составляют часть международного правопорядка, поскольку они основываются на ее учредительном документе, являющемся международным договором; таким образом, нарушение правил организаций влечет за собой международную ответственность нарушителя, как и в случае с любым другим нарушением той или иной международной нормы; и различный подход к международным организациям подорвал бы единообразный режим происхождения международных обязательств. Было предложено, чтобы в исследовании был рассмотрен вопрос о юридической природе норм, регулирующих отношения между международными организациями, их членами или агентами, в целях установления того, какие нормы могут рассматриваться в качестве международно-правовых. Было обращено внимание на примат *lex specialis* в этой области. Однако было выражено мнение о том, что право международных организаций не может во многих случаях определяться как автономный режим и поэтому правовые нормы об ответственности часто играют по меньшей мере субсидиарную роль в отношениях между организацией и ее государствами-членами. Кроме того, внимание обращалось на необходимость рассмотрения правовых последствий деяний *ultra vires* международной организации по отношению к ее государствам-членам, а также правовых последствий поведения государств-членов в органах ответственной организации.

27. Другие делегации выразили мнение о том, что этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении, что границы этого вопроса должны быть четко определены и что отсутствует неотложная потребность в разработке специальных положений в связи с ним.

28. Было высказано предложение о том, что нарушение норм организации по отношению к ее агентам заслуживает более разностороннего подхода, поскольку физические лица не являются субъектами международного права и не могут притязать на выполнение каких-либо других международных обязательств, за исключением обязательств других субъектов международного права, вытекающих из норм в области защиты прав человека. Поэтому следует провести различия между нарушением норм организации, инкорпорирующих такие нормы в области прав человека, и нарушением других норм, регулирующих статус агентов организаций. Нарушение последних норм должно являться предметом обжалования исключительно в рамках механизмов, предусмотренных самой организацией, в то время как нарушение первых должно являться предметом обжалования вне рамок организации в соответствии с процедурами, предусмотренными общим международным правом. Поэтому Комиссии следует рассматривать только нарушения в первой категории. Кроме того, было предложено, чтобы Комиссия рассматривала только нарушения международных обязательств международной организации по отношению к ее государствам-членам, а не агентам, поскольку последствия будут скорее относиться к сфере внутреннего административного права.

29. Другие же делегации выразили мнение о том, что Комиссии не следует изучать этот вопрос в контексте нынешней темы, поскольку сложно определить внутренние нормы международной организации; на международной арене отсутствует консенсус по юридической природе норм организации по отношению к международному праву; различия в характере и функциях различных организаций не могут быть предметом такого исследования; вопрос, касающийся агентов, выходит за рамки правовых норм, регулирующих статус международных гражданских служащих, которые сопряжены с гораздо более сложной задачей кодификации; и сложно провести различие между ответственностью международной организации по отношению только к ее членам, будь то государства или международные организации, и государству-нечлену или другой международной организации. Тем не менее была высказана идея о том, что общие нормы, определенные Комиссией и касающиеся ответственности международных организаций, особенно в связи с физическими лицами, могут применяться *mutatis mutandis* к отношениям между международной организацией и ее агентами; деяние международной организации, которое нарушило нормы международного права, независимо от внутренних правил международной организации, будет подпадать под сферу охвата исследования Комиссии; и выполнение решений международной организации может стать вопросом, относящимся как к ее внутренним правилам, так и общему международному праву.

10. Вопрос (b). Может ли международная организация ссылаться на необходимость в качестве исключаяющего противоправность обстоятельства в условиях, аналогичных условиям для государств?

30. Было поддержано предложение о включении положения, основанного на статье 25 проекта статей об ответственности государств, несмотря на то, что такие случаи будут редко возникать на практике по сравнению со случаем государств. Было выражено мнение о том, что нет причин для лишения международной организации возможности ссылаться для целей защиты на существенно важный интерес для оправдания невыполнения международного обязательства, при следующем понимании: а) в этом случае должны действовать те же требования, что и требования, установленные для государств, с тем чтобы исключить неизбирательное применение этой концепции как средства, оправдывающего другие противоправные деяния международных организаций; и б) такой интерес не может определяться абстрактно и априори, поскольку все обстоятельства какого-либо случая должны приниматься во внимание, для того чтобы оценить «существенный» характер интереса, подлежащего защите посредством невыполнения конкретного международного обязательства. Было выражено мнение о невозможности исключения вероятности того, что международная организация может в какое-либо время быть вынуждена сослаться на необходимость в качестве обстоятельства, исключаяющего противоправность, например, во избежание ущерба на территории государств, где находится ядерный научно-исследовательский объект, на котором организация проводит чрезвычайно опасные исследования.

31. Было также выражено мнение о необходимости дальнейшего изучения прецедентов и практики организаций для определения: «существенно важных интересов» организации, защита которых исключала бы противоправность; того, как ссылку на «единственный для государства путь защиты существенного интереса от большой и неминуемой опасности» можно должным образом адап-

тировать к международной организации; и того, существует ли общее понимание того, что представляет собой такая угроза для международной организации и имеет ли это понятие отношение к таким образованиям; того, когда и могут ли международные организации быть оправданы благодаря ссылке на такие основания; и контекста, в котором такая норма может быть применимой, и конкретных принципов, на которые можно ссылаться.

32. Были выражены определенные сомнения и озабоченность относительно целесообразности распространения сферы действия концепции необходимости на ответственность международных организаций ввиду отсутствия релевантной практики; сложности определения «существенного интереса» международной организации, который можно защитить от «большой и неминуемой угрозы»; и необходимости установления даже более исключительных обстоятельств по сравнению с теми, которые применяются в случае с государством, поскольку существенный интерес организации нельзя приравнять к существенным интересам государств. Было выражено мнение о том, что любой будущий проект статьи будет основываться исключительно на теоретических посылах с учетом отсутствия практики. Однако было обращено внимание на обстоятельства, исключающие противоправность, указанные в многочисленных двусторонних соглашениях Европейского сообщества о сотрудничестве. Такие соглашения предусматривают возможность принятия защитных мер, включающих отказ от соблюдения положения соглашений, если произошли серьезные сбои в экономическом секторе или возникли трудности, которые могут привести к ухудшению региональной экономической ситуации.

33. Было также выражено мнение о том, что такое положение не является уместным для международных организаций и не должно включаться по следующим причинам. Международно-правовая концепция состояния необходимости строго увязана с международным статусом государств, а не со статусом международных организаций. Хотя в некоторых ситуациях деятельность и существенные интересы организации могут находиться под большой и неминуемой угрозой, статус организации нельзя сравнить со статусом государств, например, в отношении последствий возможного прекращения существования организации. Кроме того, отсутствует необходимость в укреплении понятия «абсолютная необходимость» в качестве одного из обстоятельств, исключающих противоправность. Ссылка на необходимость в случае международной организации для совершения международно-противоправных деяний в целях защиты существенного интереса от большой и неминуемой угрозы может привести к неопределенности и недобросовестному толкованию характера и мотивов таких деяний.

11. Вопрос (с). Будет ли международная организация рассматриваться как ответственная по международному праву за поведение государства-члена, которое было испрошено или санкционировано организацией и которое нарушает международное обязательство как этого государства, так и этой организации?

34. Обращалось внимание на важность рассмотрения вопроса о том, связано ли как государство, так и международная организация рассматриваемым международным обязательством. Связь с четким обязательством, которое нарушается, если поведение было совершено самой организацией, имеет чрезвычайно важное значение. Сама организация, а не только ее государства-члены должны

быть независимо связаны нарушенным обязательством, с тем чтобы организацию можно было рассматривать как ответственную по международному праву. Если только государство-член взяло на себя обязательство, нарушенное мерой, принятой организацией, организация не может быть признана ответственной. Аналогичным образом, если государство не связано рассматриваемым международным обязательством, то международная организация будет единственной стороной, считающейся ответственной.

35. Кроме того, обращалось внимание на вопрос о том, не является ли санкция организации сама по себе нарушением ее обязательств. Было выражено мнение о необходимости проведения различия между обязательством международной организации и обязательством государства. В то время как ответственность государства-члена связана с присвоением нарушения, ответственность международной организации связана с присвоением просьбы осуществить рассматриваемое деяние. В этом контексте сложный вопрос состоит в том, может ли международная организация быть признана ответственной в случае просьбы или санкции, когда просьба или санкция не запрещена международным обязательством, которое было нарушено.

36. Были высказаны различные мнения относительно необходимости проведения различия между случаем, когда противоправное деяние государства-члена было осуществлено по просьбе международной организации или просто санкционировано ею. Было выражено мнение о том, что организация должна нести ответственность, даже если противоправное поведение государства не было конкретно испрошено, а только санкционировано организацией. В этой связи были установлены общие критерии для определения ответственности международной организации в таких случаях, включая степень, в которой она способствовала поведению государства, была причастна к череде событий, которые привели к этому поведению; или осуществляла руководство или эффективный контроль в отношении поведения. Было также предложено решить этот вопрос посредством использования критерия эффективного контроля в смысле «юридического контроля». Если государство-член обязано в соответствии с резолюцией международной организации принять определенные меры в нарушение международного права, то тогда в принципе как организация, так и государство должны нести международную ответственность. Степень их соответствующей ответственности будет зависеть от степени осуществляемого юридического контроля. Когда государство-член осуществляет действие по просьбе организации и в нарушение международного права, обратившаяся с такой просьбой организация несет относительно более высокую степень ответственности в силу ее в общем большей степени юридического контроля. Вместе с тем в случае, когда поведение государства нарушило международное право и было только санкционировано организацией, ответственность санкционирующей организации будет меньше с учетом относительно большой свободы действий получившего санкцию государства в отношении того, какие меры следует принять и следует ли их принимать вообще. Отмечалась важность концентрации внимания на реальной ситуации, приведшей к действию или бездействию, влекущему ответственность, а также на более формальном вопросе о том, использовалось ли в резолюции слово «санкционирует» или «просит» или любое другое слово, в том числе когда организация посредством имеющего обязательную силу решения обязывает государство-член действовать.

37. Было также выражено мнение о необходимости проведения различия между случаями, когда международная организация обратилась с просьбой к государству-члену осуществить противоправное поведение, и случаями, когда она просто санкционировала такое поведение. Что касается первой ситуации, то было предложено, чтобы международная организация, говоря в общем, неслала ответственность за противоправное деяние, совершенное одним или несколькими ее государствами-членами по просьбе организации. Кроме того, было предложено, чтобы ответственность организации зависела от того, обратилась ли сознательно и конкретно международная организация с просьбой осуществить противоправное деяние, а также от того, какую степень свободы предусматривала просьба организации к государству. Было выражено мнение, что организация должна нести ответственность, если выполнение такой просьбы было обязательным для государств-членов согласно правилам организации. Например, когда государство действует в порядке осуществления меры, которую оно обязано принять согласно правилам организации, организация может быть призвана ответственной, если эта мера нарушила норму международного права.

38. Было далее выражено мнение о том, что, если международная организация просто санкционирует поведение государства, которое представляет собой нарушение их международных обязательств, то степень ответственности каждого из них должна устанавливаться отдельно. Отмечалось, что, если противоправное деяние государства было не испрошено, а просто санкционировано государством, то необходимо проанализировать степень причастности организации к противоправному деянию до решения вопроса о том, несет ли она ответственность за поведение государства. Если противоправное деяние было осуществлено государством от своего собственного имени и от имени организации с ее предварительной санкции, то организация должна нести совместную ответственность, однако если санкция была дана ретроактивно, то существенно важно проанализировать правила организации, с тем чтобы установить ее отношения с ее государствами-членами. Однако было также предложено, чтобы в случае, если противоправное поведение государства-члена было санкционировано международной организацией, пусть даже ретроактивно, то это должно влечь за собой совместную ответственность организации и государства. Кроме того, отмечалось, что санкция международных организаций на проведение, не осуществляемое под их руководством или эффективным контролем, не освобождает их от ответственности за совершение противоправных деяний. Однако в таких случаях главную ответственность несут государства, непосредственно совершающие международно-противоправные деяния. Укрепление таких норм в проектах статей может способствовать более тщательной и сбалансированной международно-правовой оценке решений, принятых по неотложным международным вопросам в рамках международных организаций, в частности решений Совета Безопасности. Далее указывалось, что, давая санкцию государству-члену, организация наделяет его правом был задействованным в той или иной ситуации. В таких случаях получившее санкцию государство осуществляет право, а не обязательство или обязанность принимать меры. Поэтому его поведение должно рассматриваться как его собственное, а не как поведение организации. На протяжении последнего десятилетия имело место несколько случаев, когда Совет Безопасности уполномочивал государства-члены принимать меры в отношении определенных ситуаций. Ни в одном случае Организация Объединенных Наций не была признанной ответственной за действия, ко-

торые государство-член совершало с ее санкции. Обращалось также внимание на практику Европейского суда по правам человека относительно контроля за действиями государств при осуществлении права Европейского сообщества.

39. Обращалось внимание на вопрос об ответственности государства в таких случаях. Было выражено мнение о том, что как государство-член, так и международная организация должны нести ответственность по международному праву. Было выражено мнение, что поведение органа государства должно по-прежнему присваиваться этому государству, даже если такое поведение осуществлялось на основе решения международной организации, членом которой является государство. Было высказано предложение о том, что вопрос о субсидиарной ответственности государств-членов в случае ответственности международной организации, затронутый Комиссией в комментарии к проекту статьи 1, должен рассматриваться в рамках изъятий из нормы, изложенной в проекте статьи 3, в которой ответственность не предполагает присвоения. Было также предложено рассмотреть вопрос о возможном освобождении государств от ответственности в контексте права международной ответственности государств и не включать его в нынешний проект.

В. Общие природные ресурсы

1. Общие комментарии

40. Делегации поддержали работу Комиссии над этой темой и подчеркнули ее важное значение, отметив, что работа Комиссии будет содействовать заполнению значительного пробела в международном праве в этой области и затронет широко разнящуюся практику государств. Была особо подчеркнута цель, заключающаяся в усилении защиты трансграничных грунтовых вод эффективным и гибким образом в рамках международного сотрудничества и на основе норм международного права. Было выражено мнение о том, что, несмотря на скудность имеющейся практики, первоначальная работа Специального докладчика заложила солидную основу для дальнейшего рассмотрения этой темы, которая сопряжена с высоким уровнем научной и технической сложности. Намерение Специального докладчика представить полный комплекс проектов статей в 2005 году получило одобрение.

41. Делегации также поддержали усилия Комиссии и Специального докладчика по сбору релевантной научной и технической информации. Отмечалось, что расширившееся участие государств в обсуждениях, посвященных этой теме, свидетельствует о растущем интересе и готовности помогать Комиссии в ее работе. Некоторые другие делегации поддержали усилия Специального докладчика, направленные на получение помощи от экспертов по вопросам грунтовых вод из международных организаций, особенно с учетом недостаточности практики государств. Тем не менее было выражено мнение о важности того, чтобы работа Комиссии велась на базе практики государств. В этом контексте отмечалось, что Комиссия в своей работе должна учитывать интересы развивающихся стран, в частности с тем, чтобы облегчить страдания, причиняемые заболеваниями, передаваемыми через воду.

42. Некоторые делегации с удовлетворением отметили акцент Специального докладчика на подтеме о «трансграничных грунтовых водах». Указывалось, что отказ от использования деликатного термина «общие» позволит предотвра-

тить споры относительно коннотации общего наследия человечества или общей собственности. Вместе с тем было выражено мнение об отсутствии необходимости менять нынешнее название темы, поскольку отмечалось, что концепция «общего» природного ресурса никоим образом не подразумевает, что рассматриваемый ресурс является общим наследием человечества или является объектом общей собственности. Оно просто означает, что этот ресурс находится под общим управлением государств, который исключительно принадлежит им, т.е. государствам, где такой ресурс расположен, и, если говорить конкретно о случае с грунтовыми водами, государствам, где находятся водоносные горизонты.

43. Некоторые делегации подчеркнули, что Комиссии следует учитывать суверенитет государств над своими природными ресурсами и включить соответствующее положение в проект. Они также указали, что грунтовые воды должны рассматриваться как принадлежащие государству, где они находятся, по аналогии с нефтью и газом. Было также предложено включить в преамбулу к проектам статей или в комментарий четкую ссылку на право собственности государств, в которых находится ресурс. В этой связи указывалось на резолюцию 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1962 года под названием «Постоянный суверенитет над природными ресурсами». По мнению некоторых других делегаций, грунтовые воды следует рассматривать так же, как и нефть и газ, в отношении права собственности на них, но не в отношении их использования, защиты, сохранения и управления ими.

44. Что касается роли региональных механизмов, то отмечалось, что при управлении трансграничными ресурсами региональные подходы играют важную роль в согласовании национальных интересов и учете международной озабоченности. Помимо регулирования доступа к таким ресурсам, региональные обязательства подтверждают основополагающие принципы, такие, как обязательство не наносить ущерб и укрепление практического сотрудничества.

2. Информация о практике

45. Делегации особо подчеркнули важность всесторонней оценки практики государства в области использования трансграничных ресурсов грунтовых вод и управления ими. В этой связи отмечалось, что всеобъемлющее исследование практики государств может стать полезной отправной точкой для будущей работы. Некоторые делегации выразили удовлетворение по поводу вопросника, распространенного Специальным докладчиком, и выразили надежду на то, что ответы на вопросник будут содержать полезные советы. Несколько делегаций отметили намерение своих правительств представить соответствующую информацию об их практике в ответ на вопросник.

46. Некоторые делегации представили информацию о своей практике в области трансграничных грунтовых вод. В частности, несколько делегаций рассказали об опыте стран — членов МЕРКОСУР (Общего рынка стран Южного Конуса) в отношении управления водоносным горизонтом Гуарани. Указывалось, что на уровне судебных органов страны МЕРКОСУР работают над установлением основополагающих принципов, которые лягут в основу будущих постановлений и мер, касающихся сохранения и использования этого водоносного горизонта. Была создана специальная рабочая группа высокого уровня по водоносному горизонту Гуарани для разработки проекта соглашения госу-

дарств — членов МЕРКОСУР, которое будет содержать принципы и критерии для гарантирования прав этих государств на их ресурсы грунтовых вод. Проект соглашения может также включать в себя условия и руководящие принципы в отношении управления водоносным горизонтом Гуарани и мониторинга за ним. Переговоры основывались на трех следующих принципах: а) часть водоносного горизонта Гуарани на территории каждого государства находится под его суверенитетом и, без ущерба каким-либо усилиям в области сотрудничества, каждое государство — член МЕРКОСУР несет исключительную ответственность за управление частью водоносного горизонта, расположенной на его территории; б) сохранение водоносного горизонта в целях его рационального и устойчивого использования; и с) соблюдение каждым государством обязательства не причинять значительного ущерба другим государствам. Таким образом, позиция государств — членов МЕРКОСУР состоит в том, что грунтовые воды принадлежат к территориальным владениям государств, под землей которых они расположены, и что система водоносного горизонта Гуарани находится в районе расположения стран МЕРКОСУР. Водные ресурсы принадлежат государствам, в которых они находятся, и подпадают под исключительный суверенитет этих государств. В этой связи было выражено мнение о важности подтверждения принципа суверенитета в отношении использования трансграничных ресурсов, закрепленного в резолюции 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи о постоянном суверенитете над природными ресурсами.

47. Кроме того, отмечалось, что, хотя водоносный горизонт Гуарани является одним из самых крупных подземных резервуаров воды в мире, его способность к восстановлению является низкой с учетом его общего объема и потенциальных видов использования. Этот факт обуславливает необходимость большей осторожности при установлении принципов управления им. В настоящее время ведутся всеобъемлющие исследования, посвященные водоносному горизонту Гуарани, в целях обеспечения того, чтобы все члены МЕРКОСУР приняли надлежащие постановления с этой целью. Кроме того, предполагается, что четырехлетний осуществляемый при поддержке Всемирного банка технический проект по экологической защите и устойчивому освоению водоносного горизонта Гуарани улучшит понимание этого природного ресурса.

48. С учетом формирующейся практики и текущих исследований, посвященных водоносному горизонту Гуарани, к Специальному докладчику обращается настоятельная просьба осторожно подходить к характеристике этого ресурса. Например, заявление Специального докладчика о том, что водоносный горизонт Гуарани «практически» не подпитывается и не связан с поверхностными водами, было сочтено преждевременным, особенно с учетом того, что сейчас проводится исследование для получения дополнительной информации и улучшения понимания характеристик этого водоносного горизонта, включая его районы подпитки. Кроме того, предлагалось, чтобы анализ Специального докладчика ограничивался техническими данными, представленными государствами, в которых находятся трансграничные ресурсы, особенно с учетом нынешнего четырехлетнего проекта по экологической защите и комплексному устойчивому управлению водоносным горизонтом Гуарани. Кроме того, было сочтено целесообразным, чтобы государства водоносного горизонта Гуарани представили Комиссии информацию об этом водоносном горизонте.

49. Указывалось также на Закон Мексики о национальных водных ресурсах, в котором предусмотрены механизмы обеспечения рационального использования

воды. Отмечалось далее, что применительно к трансграничным ресурсам, помимо грунтовых вод, решения часто находятся с учетом индивидуальных характеристик.

50. Некоторые делегации указали на недостаточность релевантной государственной практики, отметив, например, что действующие в настоящее время в отношениях между Канадой и Соединенными Штатами двусторонние соглашения, такие, как Договор о пограничных водах, не применяются к грунтовым водам, хотя Международная смешанная комиссия провела исследование по вопросам грунтовых вод. Отмечалось, что в соглашениях о защите и использовании трансграничных водотоков между Российской Федерацией и соседними государствами вопрос о таких грунтовых водах конкретно не рассматривается.

3. Общие рамки для формулирования проектов статей

51. Ряд делегаций выразил удовлетворение по поводу общих рамок для формулирования проектов статей, предложенных Специальным докладчиком. Хотя было выражено мнение о том, что предлагаемые рамки являются хорошей отправной точкой, было особо подчеркнуто, что они должны меняться по мере продвижения работы. В то время как Конвенция 1997 года о праве несудоходных видов использования международных водотоков является основой, на которой строится режим грунтовых вод, было подчеркнуто, что любые новые правовые рамки должны в полной мере учитывать уникальные характеристики грунтовых вод. Кроме того, было высказано предостережение относительно того, что положения нынешних рамок, которые будут распределять водные ресурсы, расположенные в водоносных горизонтах между государствами, на основе аналогичных положений Конвенции 1997 года, могут оказаться спорными.

4. Сфера охвата настоящей подтемы

52. Решение о применении поэтапного подхода к исследованию этой темы с последующим рассмотрением нефти и газа было встречено с одобрением с учетом важности грунтовых вод для повседневной жизни людей. Однако была также выражена озабоченность по поводу узкого подхода Комиссии к теме в целом, цель которого заключается в охвате мигрирующих видов и всех полезных ископаемых, не подпадающих под юрисдикцию ни одного государства.

53. Было также поддержано предложение не ограничивать сферу охвата проектов статей трансграничными грунтовыми водами, не охваченными Конвенцией 1997 года о праве несудоходных видов использования международных водотоков⁵. Отмечалось, что некоторые из систем водоносных горизонтов, охваченных Конвенцией 1997 года, имеют характеристики грунтовых вод и будут регулироваться новым документом по этому вопросу. Однако было также подчеркнуто, что необходимо уделять больше внимания управлению замкнутыми водоносными горизонтами и совместному пользованию такими горизонтами, не охваченными Конвенцией 1997 года, с учетом их невозобновляемого характера.

54. Что касается связи между предлагаемыми проектами статей и Конвенцией 1997 года о праве несудоходных видов использования международных водото-

⁵ См. резолюцию 51/229 Генеральной Ассамблеи от 21 мая 1997 года, приложение.

ков, то отмечалось, что, поскольку системы трансграничных водоносных горизонтов могут быть связаны с поверхностными водами, может возникнуть вопрос о связи между этими двумя документами. Предлагалось урегулировать этот вопрос, включив конкретные положения в проекты статей или ограничив сферу охвата исследования преимущественно «замкнутыми подземными системами водоносных горизонтов», при том понимании, что «системы водоносных горизонтов» могут быть связаны с поверхностными водами, но такая связь является слабой и незначительной.

55. Было поддержано предложение о включении положения о связи между новым режимом водоносных горизонтов и режимом, предусмотренным в Конвенции 1997 года, с тем чтобы рассеять любые сомнения относительно применения Конвенции 1997 года по отношению к водоносным горизонтам. Кроме того, предлагалось обеспечить согласованность посредством разработки проекта дополнительного протокола к Конвенции 1997 года.

56. Отмечалось, что использование Конвенции 1997 года в качестве основы для нового режима в области грунтовых вод должно быть сбалансировано по отношению к другим подходам, особенно в связи с тем, что Конвенция 1997 года в силу еще не вступила и по-прежнему не пользуется значительной международной поддержкой. Такое изучение других подходов могло бы способствовать достижению консенсуса в отношении проектов статей. Было также выражено мнение о преждевременности обсуждения вопроса о связи между Конвенцией 1997 года и проектами статей, поскольку очень многое будет зависеть от содержания и окончательной формы этого документа.

5. Проект статьи 1 — Сфера применения настоящей Конвенции

57. Одна группа делегаций приветствовала проект статьи 1, в котором определяется сфера применения проектов статей. В то же время другие делегации потребовали обеспечить большую четкость. Было предложено запросить у технических экспертов дополнительную информацию о том, можно ли ограничить исследование «трансграничными водоносными горизонтами».

58. Поддержку получило предложение Специального докладчика также регулировать районы питания и дебита, с тем чтобы обеспечить надлежащее управление водоносным горизонтом. Было предложено также изучить связь между системой водоносного горизонта и внутренними водотоками и районами питания и дебита.

59. В редакционном плане было предложено сохранить слово “uses”, не заменяя его словом “exploitation”, как это было предложено в ходе обсуждения в Комиссии.

6. Проект статьи 2 — Употребление терминов

60. Предложение Специального докладчика вместо термина «замкнутые трансграничные грунтовые воды» употреблять термины «водоносный горизонт» и «система водоносного горизонта» в целом получило поддержку.

61. Для того чтобы получить всесторонние определения терминов «водоносный горизонт» и «система водоносного горизонта», было предложено изменить проект статьи 2 путем включения в пункте (а) после слова «породы», а в пункте (b) после слова «породам» слов «песка, гравия или почвы». Если это поня-

тие не будет включать песок и гравий, то придется подумать о том, какие нормы или принципы международного права регулируют трансграничные системы грунтовых вод, которые не являются водоносными горизонтами. Было предложено также в проекте статьи 2(а) не ограничивать определение словами «водонасыщенной горной породы», а сделать ссылку на воду, содержащуюся в водоносном горизонте. Кроме того, те же делегации подвергли сомнению употребление термина «эксплуатационные» в проекте статьи 2(а). В частности, был поднят вопрос относительно существования технических возможностей «эксплуатации» водоносных горизонтов. В этой связи было предложено слово «эксплуатационные» либо исключить, либо определить более точно. Было также предложено заменить слово «эксплуатационные» термином «пригодные к использованию», который представляет собой более объективный критерий.

7. Будущий проект статьи 3 — Принципы

62. В отношении будущего проекта статьи 3, касающегося принципов, применимых к трансграничным водоносным горизонтам, было отмечено, что принципы, регулирующие виды использования систем водоносных горизонтов, должны быть тщательно проанализированы, с тем чтобы обеспечить их пригодность.

63. Ряд делегаций выразили мнение, согласно которому основные принципы в Конвенции 1997 года составляют основу для разработки принципов в отношении режима грунтовых вод. В этой связи некоторые делегации отметили, что, хотя Конвенция 1997 года не является прямо применимой к управлению некоторыми трансграничными системами водоносных горизонтов, принципы, применимые к поверхностным водам, могли бы применяться и к грунтовым водам при условии, что они будут расширены и приспособлены к специфическим характеристикам последних. С другой стороны, некоторые системы подземных вод связаны с поверхностными водами, и в этом случае принципы Конвенции будут применимыми.

64. Некоторые другие делегации выразили мнение, согласно которому основные принципы, воплощенные в Конвенции 1997 года, нельзя автоматически переносить на системы трансграничных водоносных горизонтов. Поскольку характеристики большинства водоносных горизонтов в значительной мере отличаются от характеристик поверхностных вод, охватываемых Конвенцией 1997 года, и поскольку устранение загрязнения водоносных горизонтов может оказаться особо сложным, было подчеркнуто, что в принципах и нормах, касающихся этих водоносных горизонтов, следует больше внимания уделить экологической защите и предотвращению загрязнения. Кроме того, хотя Конвенция 1997 года содержит базовые принципы, позволяющие сориентировать работу Комиссии, пока эта Конвенция не получила особой поддержки со стороны государств; в этой связи воспроизведение этих принципов может оказаться контрпродуктивным. Кроме того, было выражено сомнение относительно того, должны ли принципы Конвенции 1997 года применяться к невозобновляемым подземным водным ресурсам, не входящим в сферу ее применения, или же эти ресурсы должны регулироваться тем же режимом, каким регулируются другие истощаемые общие природные ресурсы, например нефть и газ. Было выражено мнение, согласно которому после определения объема работы Комиссии необходимо будет разработать особый режим для трансграничных водоносных горизонтов, которые являются невозобновляемыми или питание

которых осуществляется медленно. Было отмечено, что следует также учесть Конвенцию по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер⁶, хотя она и носит региональный характер, поскольку в ней закреплено несколько базовых принципов охраны и использования трансграничных водотоков независимо от того, какие воды их составляют — поверхностные или грунтовые.

65. В отношении конкретных принципов, которые будут включены в проект статьи 3, некоторые делегации выразили мнение, что принцип «справедливого использования» был бы вполне уместен в применении к водным ресурсам и должен быть принят во внимание Комиссией с учетом особых характеристик ресурсов грунтовых вод. Вместе с тем было предложено заменить этот термин термином «справедливая эксплуатация». Поддержку также получило употребление принципа «разумного использования». Однако было указано, что в отношении трансграничных водоносных горизонтов справедливое и разумное использование и участие требуют глубокого изучения, поскольку эти ресурсы в отличие от поверхностных вод являются невозобновляемыми или медленно возобновляемыми. Кроме того, важно включить ссылку на принцип устойчивого использования. Было также указано, что в часть, касающуюся предотвращения загрязнения и защиты водоносных горизонтов, можно было бы включить обязательство не причинять вреда. С другой стороны, некоторые делегации высказались против включения принципов справедливого использования и разумного использования. Было отмечено, что принципы справедливого использования и разумного использования нелегко применять в отношении системы водоносного горизонта, которая не получает питания и поэтому является невозобновляемой. В этой связи не ясно, какое значение могли бы иметь эти понятия в контексте грунтовых вод. Однако можно было бы подумать о том, чтобы использовать трансграничные водоносные горизонты темпами, соизмеримыми со способностью соответствующих государств обеспечивать альтернативное водоснабжение для своего населения. Кроме того, было отмечено, что, поскольку обе концепции были воплощены в Конвенции 1997 года, участниками которой многие государства не являются, настаивать на их применении в настоящем проекте может оказаться сложным.

66. Было отмечено далее, что Комиссии сначала следует определить общие принципы, применимые ко всем грунтовым водам, а затем уточнить регулирующие поверхностные воды принципы, которые могли бы быть приспособлены к грунтовым водам, а также разработать специфические принципы в отношении определенных видов водоносных горизонтов, например гидрологически не связанных с поверхностными водами. Принципиально важно, чтобы государства стремились получать информацию о фактическом характере «водоносных горизонтов», которые они используют или намереваются использовать, и в общих принципах в части II отразить необходимость получения такой информации.

8. Проект статьи 4 — Обязательство не наносить ущерб

67. Некоторые делегации отметили необходимость в дальнейшем анализе понятия «трансграничный ущерб» в случаях, когда грунтовые воды в конкретном исследовании обладают особыми характеристиками, например невозобновляе-

⁶ United Nations, *Treaty Series*, vol. 1936, p. 269.

мые системы трансграничных водоносных горизонтов. Например, не ясно, можно ли считать использование воды одним государством в пределах его территории как наносящее ущерб, если оно уменьшило объем воды в общей системе водоносного горизонта, или же ущерб все равно может быть нанесен, когда государства используют ресурсы системы водоносного горизонта в различной степени.

68. Некоторые делегации попросили уточнить понятие «значительный ущерб», а также критерий для определения того, какой «ущерб» является «значительным ущербом». Хотя было указано, что пороговый уровень является значимым и применимым, было предложено давать оценку тому, что является «значительным ущербом» в каждом случае в отдельности. Кроме того, было высказано мнение, согласно которому в контексте проекта статьи 4 термин «ущерб» означает ущерб, нанесенный другим государствам, и что права и обязательства государств в отношении деятельности, которая может влиять на системы трансграничных водоносных горизонтов, следует выделить особо, с тем чтобы подчеркнуть особый статус государств, не затрагивая при этом использование ресурсов конкретными отдельными лицами или группами, что будет регулироваться внутренними мерами, принимаемыми соответствующим государством. Было также указано, что проект статьи 4 посвящен ущербу, наносимому государствам системы водоносного горизонта, и в нем не уделяется достаточного внимания вопросу защиты водоносного горизонта и содержащейся в нем воды. Кроме того, было также отмечено, что Комиссии следует проявлять осторожность в проведении параллели с ее работой по проектам статей о предотвращении трансграничного ущерба от опасных видов деятельности.

69. В отношении пункта 3 статьи было предложено заменить слово «препятствуют» словом «изменяют», которое будет отражать более четкий и объективный критерий. Некоторые делегации высказали озабоченность по поводу пункта 4, касающегося последствий серьезного ущерба для государства трансграничного водоносного горизонта. В этой связи было предложено тщательно изучить вопрос об употреблении в этом пункте слов «значительный ущерб». Хотя приведенные Специальным докладчиком доводы в отношении использования этой формулировки были весьма убедительны, с учетом крайней уязвимости данного ресурса, который не всегда является возобновляемым, Комиссии следует также подумать о том, не стоит ли использовать более низкий пороговый уровень, нежели «значительный ущерб». Кроме того, были высказаны оговорки относительно отражения в проектах статей ответственности и было предложено, чтобы вопрос о компенсации рассматривался в связи с темой «Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом». Нет необходимости чрезмерно регулировать ответственность в рамках нынешней темы, если только ущерб не является следствием нарушения международного права. С другой стороны, было высказано мнение о том, что в проекте статей следует также уточнить для случая причинения невосполнимого ущерба трансграничному водоносному горизонту, какого рода последствия могут возникнуть и условия, на которых затронутые государства могли бы требовать компенсации.

9. Проект статьи 5 — Общее обязательство сотрудничать; проект статьи 6 — Регулярный обмен данными и информацией; и проект статьи 7 — Взаимосвязь между различными видами использования

70. В отношении проектов статей 5 и 6, касающихся, соответственно, общего обязательства сотрудничать и регулярного обмена данными и информацией, было предложено включить в обе статьи ссылку на важность создания потенциала в этих областях и необходимость сотрудничать и осуществлять обмен информацией по вопросам, связанным с защитой окружающей среды и устойчивым использованием водоносных горизонтов. Принципиально важное значение имеет сотрудничество между государствами в вопросе справедливого и разумного использования системы трансграничных водоносных горизонтов, и данное обстоятельство должно быть должным образом отражено в проекте статей.

71. В отношении проекта статьи 6 было высказано мнение о том, что обмен данными и информацией определенных видов может оказаться неуместным, поскольку он может отрицательно сказываться на национальных интересах государства системы водоносного горизонта. В этой связи было предложено поставить такой обмен в зависимость от национальных интересов, в том числе национальной безопасности.

72. В отношении статьи 7, касающейся взаимосвязи между различными видами использования, было отмечено, что предлагаемый проект отражает взвешенный компромисс, который нашел свое отражение в статье 10 Конвенции 1997 года.

10. Окончательная форма документа

73. Хотя было отмечено, что в отношении окончательной формы исследования о трансграничных грунтовых водах решения пока не принято, некоторые делегации выразили мнение о том, что данная работа должна принять форму рекомендаций или руководящих указаний, которые помогут государствам в разработке региональных и субрегиональных соглашений. Было отмечено, что такие специфические договоренности представляют собой оптимальный способ для регулирования нагрузки на трансграничные грунтовые воды и позволяют государствам проявлять гибкость в плане приспособления соглашений или договоренностей к своим условиям. Подобное решение было также названо предпочтительным ввиду чрезвычайно разнообразных характеристик систем трансграничных водоносных горизонтов. Кроме того, благодаря этому стандарты, которые могут быть разработаны Комиссией, могли бы послужить моделью для региональных соглашений. Было высказано мнение, что, поскольку подготовка, обсуждение и осуществление глобальной конвенции о трансграничных грунтовых водах соответствующим образом в каждом регионе предположительно были бы весьма длительным процессом, было бы целесообразно рассмотреть подход, при котором разрабатывались бы различные «строительные блоки», которые можно было бы использовать для удовлетворения различных региональных или технических начальных условий. В отличие от глобальной конвенции такой подход позволил бы разработать юридически обязательные постановления, более четко приспособленные для решения конкретных региональных проблем и более оперативного и эффективного достижения практических результатов. Оказать помощь в разработке такого подхода могла

бы программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде с учетом ее опыта в разработке международно правовых норм в сфере экологии. Было также высказано мнение о том, что с учетом уязвимости водоносных горизонтов в отношении загрязнения и чрезмерной эксплуатации в будущих проектах статей можно было бы установить определенные специфические обязательства. Некоторые другие делегации высказали мнение о том, что решение в отношении окончательной формы должно приниматься на более позднем этапе после достижения прогресса в решении вопроса существа.

74. Независимо от формы было отмечено, что некоторые нормы должны быть адресованы государствам, в которых находятся ресурсы, поскольку именно эти государства обязаны применять и развивать их в своих взаимоотношениях посредством региональных и субрегиональных соглашений. Кроме того, в документе должна быть четко предусмотрена его применимость к системам трансграничных водоносных горизонтов и видам использования или деятельности, которые оказывали или могут оказывать воздействие на меры по защите, сохранению и управлению системами трансграничных водоносных горизонтов.

С. Односторонние акты государств

75. Несколько делегаций вновь заявили, что они считают односторонние акты государств источником международных обязательств. Они согласны с тем, что следующим шагом могла бы стать разработка определений односторонних актов на основе оперативного текста, принятого Рабочей группой в 2003 году, наряду с разработкой определенных общих правил для всех односторонних актов и заявлений, рассмотренных Специальным докладчиком, с учетом практики государств, что способствовало бы повышению стабильности и предсказуемости в отношениях между государствами. Комиссии необходимо разработать четкое определение односторонних актов государств, имеющих правовые последствия и в то же время обеспечивающих государствам возможность проявлять достаточную гибкость в отношении актов политического характера. Было бы полезно продолжить рассмотрение развития различных актов и заявлений, в том числе аспектов, касающихся автора акта, их формы, их субъективных элементов, возможности их отзыва и действительности, а также реакции третьих государств. Учет практики государств является положительным моментом.

76. По мнению ряда делегаций, не следует оставлять предпринятые до настоящего времени усилия. Если не удастся выработать проект конвенции, то Комиссия могла бы разработать какие-то руководящие указания. Однако другие делегации выразили мнение о том, что огромное разнообразие односторонних актов и сложность этой темы крайне осложняют задачу Комиссии по определению и разработке четких руководящих указаний в этой области. Было высказано мнение о том, что необходимо рассматривать односторонние акты в строгом смысле этого слова и объективно исследовать намерение государств создать обязательства. Для цели определения того, какие правовые обязательства вытекают из односторонних актов, последние должны быть определены как акты, отличные от любого акта, предпринятого в рамках существующих конвенций обычного или институционального права.

77. Было указано, что для классификации односторонних актов и их правовых последствий необходимо продолжить изучение практики государств и

провести четкое разграничение между различными формами односторонних актов государств. В этой связи государствам необходимо будет представить дополнительную информацию. В своей будущей работе Специальному докладчику следует стремиться к сохранению гибкости, являющейся центральным элементом односторонних актов как формы поведения государств. Поскольку общие правила могли бы препятствовать проявлению такой гибкости, более полезным подходом в плане поддержания баланса между правовой определенностью и гибкостью могла бы стать разработка общих норм, применимых только к определенным формам односторонних актов.

78. Многие делегации поддержали решение Комиссии об учреждении рабочей группы открытого состава для изучения избранных прецедентов. По вопросу о том, должны ли охватываться этой темой политические односторонние акты, была высказана точка зрения, сводившаяся к тому, что четкого разграничения между правовыми и политическими актами нет; некоторые политические акты все же могут иметь правовые последствия. В качестве возможной классификации было предложено различать акты, которые способствовали развитию обычных норм международного права, акты, которые создали другие конкретные правовые обязательства, и акты, которые имели иные последствия в международном праве. Какие-то частичные совпадения в данном случае неизбежны, однако процесс распределения односторонних актов по этим категориям позволил бы лучше понять их характер и значение. Типология подобного рода позволила бы Специальному докладчику более четко отделить значимые правовые акты от тех, которые не имеют значения для целей исследования, и определить, на чем должен быть сделан акцент. Было отмечено также, что акт может относиться к более чем одной из общих категорий, предложенных Специальным докладчиком, и что в этой связи подобная классификация актов может оказаться не самой удачной.

79. Было указано, что для предотвращения случаев несанкционированного совершения односторонних актов государств должны быть установлены определенные ограничения в отношении того, кто может совершать односторонние акты от имени государств. Что касается процессуальных вопросов, таких, как толкование, изменение, наблюдение или прекращение односторонних актов, то положения можно было бы разработать по типу предложений, содержащихся в Венской конвенции о праве международных договоров.

80. Было отмечено, что некоторые примеры в докладе Специального докладчика были названы актами государств, тогда как их автором был негосударственный субъект. В будущих докладах таких ошибок следует избегать. Кроме того, ряд приведенных примеров из практики государств, таких, как признание официального представителя организации или уведомление о нейтралитете государства, часто вносили путаницу.

81. Было указано, что правительства могут и не определять со всей четкостью правовой характер их собственных актов, поэтому Комиссии следует учитывать не только объективные элементы самих актов, но и субъективные элементы, такие, как намерение соответствующих государств.

82. Было высказано мнение о том, что эта тема еще не готова для разработки проектов статей. Ряд делегаций выразили сомнения в плане пригодности этой темы для кодификации или прогрессивного развития. Если же Комиссия решит продолжить свою работу, для этого может потребоваться проведение еще более

подробного и тщательного исследования. В любом случае осуществить кодификацию окажется чрезвычайно сложным, а то и невозможным. Главная проблема будет заключаться в выработке определения односторонних актов, которое позволяло бы в каждом случае делать разграничение между односторонними правовыми актами и другими односторонними актами, не порождающими правовых последствий. По всей видимости, было бы недостаточно строить определение на одном лишь намерении государства, поскольку этот критерий является чрезвычайно субъективным. Не следует автоматически полагаться на решение Международного Суда по делу о *Ядерных испытаниях*⁷ как на основу работы Комиссии. Многое зависит от того, по какому вопросу совершен односторонний акт. Если этот вопрос можно четко определить и он имеет явно правовой характер, например, односторонний прямой отказ государства от принадлежащего ему права, то можно считать, что соответствующий акт имеет правовой характер.

83. Согласно другой точке зрения, в настоящее время неясно, являются ли заявления, поведение или национальное законодательство государства односторонними актами, должны ли такие акты иметь письменную форму или они могут быть устными и должны ли они сообщаться по официальным каналам. Налицо также неопределенность в отношении нормативного статуса этой концепции в международном праве. Неясно, можно ли рассматривать односторонние акты в качестве нового источника международного права за пределами объема пункта 1 статьи 38 Статута Международного Суда или же они вносят вклад в формирование существующих источников международного права, включая договоры и обычаи, как это продемонстрировали последствия прокламации Трумена в отношении континентального шельфа или норвежские претензии в отношении прямых исходных линий применительно к эволюции морского права.

84. Было отмечено, что в отношении критериев действительности односторонних актов вопрос заключается в том, могут ли такие акты, как в случае международных договоров, отступать от остаточных норм международного права. Что касается необходимых условий изменения или отзыва одностороннего обязательства, принятого на себя государством, то было выражено сомнение в обоснованности прямой аналогии с договорами в отношении, например, «порога» для осуществления нормы о коренном изменении обстоятельств в качестве основания для прекращения обязательства.

D. Оговорки к международным договорам

1. Определение возражений

85. Ряд делегаций высказали замечания по поводу определения возражений к оговоркам. Было отмечено, что трудно дать определение возражениям к оговоркам, опираясь на их последствия, до того как будет проделана существенная работа по последствиям оговорок. Текущее определение не в полной мере передает договорный характер процесса формулирования оговорок и возражений; вследствие этого его можно было бы использовать в качестве рабочего проекта, который в случае необходимости можно было бы позднее отредактировать. Было указано, что в определении необходимо не допустить возможности того,

⁷ I.C.J. Reports, 1974.

чтобы заявляющее возражение государство вызывало своим возражением надлежащие последствия. Было бы также полезно провести разграничение между возражением как таковым и простыми комментариями или толкованием оговорки или политических заявлений, выражающих отрицательное отношение к оговорке. Было предложено, чтобы Комиссия приняла широкое определение, облегчающее учет всех критических замечаний, которые государства могли бы заявить в отношении оговорок. Кроме того, определение возражения к оговорке не должно быть построено исключительно на последствиях возражения, предусмотренных в Венской конвенции 1969 года.

86. Было также отмечено, что определение возражений к оговоркам не должно предрешать правовых последствий возражений. Должно учитываться намерение обеих сторон для определения договорных отношений, если таковые имеются, между делающим оговорку государством и государством, заявляющим возражение. С этой точки зрения можно одобрить включение элемента намерения в новое определение возражения в проекте руководящего положения 2.6.1, поскольку намерение является ключевым элементом для определения того, составляет ли реакция какого-либо государства на оговорку возражение, и включение этого понятия согласуется со статьями 20–23 Венской конвенции о праве международных договоров. Было указано далее, что Комиссии следует работать над практикой государств, а не пытаться кодифицировать определение возражений к оговоркам.

87. Было также отмечено, что предлагаемая формулировка определения возражений основана на единственном примере из практики государств. В этой связи возникает вопрос, отражает ли она общее правило в отношении возражений к оговоркам. Было бы более уместно сохранить альтернативное определение, предложенное Специальным докладчиком в его восьмом докладе (A/CN.4/535) и в случае необходимости позднее внести в него изменения. В том же контексте было указано, что определение термина «возражение» должно быть сформулировано общим образом, чтобы оно охватывало широкий круг дел, соответствующих реальной и довольно обширной практике. Тогда было бы сложно исключить из сферы такого определения намерение заявляющих возражение государств считать договор обязательным в полном объеме для делающего оговорку государства. Это касается возражений в отношении оговорок, не совместимых с объектом и целью договора, как это установлено в статье 19 Венской конвенции о праве международных договоров, которые подрывают целостность нормативных положений договора и наносят ущерб интересам других государств-участников в плане сохранения этой целостности. Кроме того, Комиссии следует сосредоточить свою работу на подробном изучении этих вопросов, а также вопроса о том, должны ли нормы Венской конвенции, касающиеся принятия возражений к оговоркам, также применяться в случае недопустимых оговорок (статьи 20 и 21 Конвенции). Право формулировать возражение должны иметь только государства, подписавшие договор, поскольку такая возможность тесно связана с обязательством таких государств не наносить ущерба цели и объекту договора, прежде чем стать его участником. Заявляющее возражение государство в момент ратификации должно повторить свои возражения.

88. Было высказано мнение о том, что не только стороны договора имеют право формулировать возражение к этому договору, поскольку оговорки и возражения к ним создают двустороннее правоотношение между делающим ого-

ворку государством и государством, заявляющим возражение, причем в основе такого аргумента лежит принцип, согласно которому должен соблюдаться баланс между правами и обязательствами сторон. Кроме того, подписавшие договор стороны не должны иметь право возражать против оговорок в ситуациях, когда их общее обязательство в отношении сторон ограничивается воздержанием от актов, которые могли бы нанести ущерб объекту и цели этого договора; в лучшем случае они могли бы иметь право на возражение к оговоркам, которые они считают противоречащими этому объекту и цели.

89. Что касается так называемых возражений с супермаксимальным эффектом, которыми государство-автор возражений пытается парализовать последствия оговорки, то было отмечено, что признание такого последствия неизбежно отпугивало бы государства от участия в некоторых самых важных соглашениях и договорах. Возражения с супермаксимальным эффектом не имеют места в международном праве и неприемлемы, поскольку они представляли бы собой возложение договорных обязательств на какое-либо государство без его предварительного согласия. Предпочтительнее было бы не указывать в определении, что возражение могло бы иметь такое последствие; термин «возражение» должен определяться с учетом признанных принципов международного права, включая принцип государственного суверенитета; между тем фраза «исключить или изменить последствия оговорки» такую возможность допускает. Специальный докладчик мог бы рассмотреть это последствие в связи со случаями, когда имела место запрещенная оговорка, в отношении последствий которой заявляющее возражение государство или организация должны иметь возможность возражать абсолютно и в полном объеме.

90. Другие делегации заявили о своей поддержке идеи расширения определения термина «возражение», с тем чтобы он включал «супермаксимальный эффект», как это отражено в пункте 293(е) доклада Комиссии⁸. Вместе с тем было предложено предусмотреть в этом определении некоторую гибкость в соответствии с пунктом 3 статьи 21 Венской конвенции о праве международных договоров. Кроме того, из этого определения следует исключить слово «изменить», поскольку оно могло бы привести к новому элементу. Следует также охватить возражение государства в отношении лишь отдельных частей оговорки, и в этой связи слово «изменить» следует заменить выражением «все или некоторые».

91. Было высказано замечание относительно определения возражений к оговоркам, изложенного в проекте руководящего положения 2.6.1. Насколько можно судить, Комиссия пытается расширить определение, предусмотренное в Венской конвенции о праве международных договоров. Выражение «стремиться исключить или изменить последствия оговорки в отношениях между автором оговорки и автором возражения» представляется особенно нечетким, а выдвигаемые в его пользу аргументы звучат неубедительно. По мнению Комиссии, предлагаемое определение не будет предрешать вопроса о действительности или недействительности возражения. Между тем оговорка всегда имеет одно и то же последствие; как говорится в проекте руководящего положения 1.1.1, она направлена на исключение или изменение юридического действия определенных положений договора. Несовместимость оговорки с объектом

⁸ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Дополнение № 10 (A/59/10).

и целью договора вытекает не только из последствий оговорки, но и из положения(ий), к которым она относится. Кроме того, предполагаемая недействительность оговорки может быть оспорена возражением, между тем как возможность реагирования на возражение, последствия которого можно было бы считать выходящими за рамки права на возражение, представляется сомнительной. Предлагаемое определение возражения, в котором точно указываются его последствия, устранило бы всякую неопределенность в отношении допустимости возражения, которое могло бы иметь другие последствия.

92. Было указано далее, что в качестве компромисса между слишком широким и слишком узким определением можно было бы использовать такое определение, в котором возражение определяется как реакция, направленная на то, чтобы сделать последствия оговорки неприменимыми в отношениях между государством-автором возражения и государством-автором оговорки. Такое определение было бы достаточно гибким для удовлетворения требований в отношении «оговорки с промежуточными последствиями». Не препятствуя вступлению договора в силу между сторонами, такое возражение делало бы неприменимым в отношениях между ними не только положения, охватываемого оговоркой, но и других договорных положений. Такое последствие не выходило бы за пределы максимального последствия, допускаемого Венскими конвенциями. Государство могло бы подумать о том, что оговорка затрагивает другие положения договора и в этой связи решить не связывать себя этими другими положениями.

93. Другая точка зрения заключалась в том, что в проекте руководящего положения 2.6.1 содержится правильная концепция возражений. Тем не менее нерешенным остается центральный вопрос о последствиях оговорок в соотношении с возражениями. Невозможно провести полную аналогию между характером оговорок и характером возражений, и поэтому так называемый «промежуточный эффект» вызывает сомнение, поскольку он может оставить договор постоянно открытым, что трудно примирить с Венскими конвенциями.

94. Было указано, что наиболее часто возражение — возражение минимального эффекта — может не охватываться определением, приведенным в девятом докладе Специального докладчика, поскольку на практике последствия возражения с минимальным эффектом такие же, что и последствия, ожидаемые от оговорки.

95. В этом контексте было предложено следующее альтернативное определение: «„Возражение“ означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством или международной организацией, посредством которого государство или организация стремятся выразить акт неприятия (или отклонения) оговорки, при этом данный акт имеет определенные правовые последствия».

96. Было предложено также, чтобы в основу работы Комиссии было положено прецедентное право Международного Суда, в частности консультативное заключение, касающееся «Оговорок к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него»⁹, а не замечание общего порядка № 24 Комитета по правам человека, который присвоил себе право решать вопрос о

⁹ *I.C.J. Reports 1951*, p. 15.

несовместимости оговорки с объектом и целью Международного пакта о гражданских и политических правах и отказываться признавать оговорку.

2. Проекты руководящих положений

97. Ряд делегаций сделали замечания по проекту руководящего положения 2.1.8 («Процедура в случае явно [недопустимых] оговорок»), поскольку оно позволяет депозитариям давать оценку и выражать мнение по поводу недопустимости оговорки, в то время как депозитарий при выполнении своих функций должен сохранять нейтральность и беспристрастность в соответствии с положением статьи 77 Венской конвенции 1969 года.

98. В отношении проекта руководящего положения 2.4.10 («Ограничение и расширение сферы действия условного заявления о толковании») проблем с ограничительным аспектом не возникает, поскольку сфера действия такого заявления, очевидно, может быть изменена лишь после достижения согласия в отношении обязательной силы договора. То же самое применяется в случае расширения заявления о толковании. Остается неясным, что случится с договором в случае, если другие стороны не примут предлагаемого расширения. Более того, заявление может содержать как расширительные, так и ограничительные элементы. В этой связи расширение сферы действия такого заявления может сказаться на стабильности правоотношений в рамках договора. Кроме того, формулировку, согласно которой правило о расширении или ограничении условного заявления о толковании поясняется посредством ссылки на проект руководящего положения 2.3.5 («Расширение сферы действия оговорки»), которое в свою очередь отсылает читателя к проекту руководящего положения 2.3.1 («Последующее формулирование оговорки»), нельзя назвать в полной мере удачной.

99. Ряд делегаций высказали сомнения относительно включения проекта руководящего положения о расширении сферы действия оговорок, а также проекта руководящего положения о последующем формулировании оговорок; не ясно, каким образом эти проекты руководящих положений будут реально препятствовать такой практике.

100. Было выражено мнение о том, что расширение сферы действия существующей оговорки и последующее формулирование оговорки следует рассматривать как весьма исключительное явление в праве международных договоров. Однако у государства могут быть вполне законные основания для того, чтобы оно хотело изменить ранее сделанную оговорку. Следует принять во внимание преобладающую практику в этом вопросе. Риск можно уменьшить посредством отраженного в этих руководящих положениях единогласия. Руководящее положение 2.6.2 («Возражение против последующего формулирования или расширения сферы действия оговорки»), бесспорно, является полезным, поскольку оно устраняет потенциальную двусмысленность термина «возражение», употребляемого в руководстве по практике: он означает либо возражение в отношении последующего формулирования или расширения сферы применения оговорки, либо возражение к самой оговорке. Было отмечено, что текст руководящего положения 2.6.2 можно было бы включить в руководящее положение 2.6.1 («Определение возражений против оговорок»).

3. «Действительность» оговорок

101. Было сделано несколько замечаний по вопросу о терминологии, которая должна употребляться применительно к оговоркам (глава III доклада Комиссии международного права). Было указано, что Венская конвенция о праве международных договоров не регулирует последствия формулирования государством или международной организацией «запрещенной» оговорки. Следовательно, необходимо дать определение такой оговорке. Было предложено, чтобы в используемой терминологии нашло свое отражение замечание о том, что оговорка не должна наносить ущерба целостности и духу соответствующего документа. В отношении допустимости оговорок государства-участники должны быть судьями в последней инстанции. Некоторые делегации заявили, что прилагательное «незаконная» неуместно для определения оговорки и его следует избегать; хотя она представляет собой запрещенное поведение, ответственность не возникает, поскольку государства всегда могут заявить против такой оговорки возражения. Между тем у заявляющего оговорку государства может возникнуть ответственность за международно противоправное деяние, если оно не будет соблюдать положения договора, к которому оговорка относится. Термин «действительность» также нельзя назвать более удачным, поскольку он касается оснований для ничтожности, что вовсе не обязательно может иметь место в ситуации, когда делаются запрещенные оговорки. Кроме того, термины «действительный» и «недействительный» не следует употреблять для оценки таких оговорок, поскольку они близки к термину «ничтожный» и в этой связи не будут производить желаемого эффекта в плане стимулирования возражений. Вместо этого внимание следует сосредоточить на объеме последствий оговорки. Слово «действительность» может привести к предвосхищению правовых последствий оговорки, которая предположительно нарушает положения статьи 19 Венской конвенции, хотя эта оговорка будет действовать, если только другие государства не заявят возражения. Кроме того, термин «недействительность» можно спутать со случаем, когда оговорка сформулирована агентом, не уполномоченным представлять государство для этой цели. Термин «допустимая» был бы более уместен и правильно отражал бы ситуацию наблюдения или отслеживания в отношениях между двумя равно суверенными государствами. Следующая проблема может заключаться в определении того, может ли на такую допустимость ссылаться непосредственный депозитарий или же этот вопрос должны поднимать государства в рамках обычной системы индивидуальной оценки оговорок.

102. Некоторые делегации одобрили употребление понятия «действительность», которое используется в статьях Венской конвенции о праве международных договоров, кроме статьи 19, и с их точки зрения представляет наиболее уместный способ отражения этого вопроса.

103. Согласно другой точке зрения этот терминологический вопрос следует рассматривать в связи с другими школами мысли в отношении правовых последствий «недопустимых» оговорок. Хотя такие оговорки являются недействительными по международному праву и не требующими в этой связи возражений, опыт показывает, что мало какое государство воздерживалось от возражений по этим основаниям. Государство возражает против таких оговорок, с тем чтобы продемонстрировать свое критическое отношение к государству, делающему оговорку, которое тем самым может получить стимул к тому, чтобы снять свою оговорку. Термин «допустимая/недопустимая», как представляется,

принят большинством, отражает объективный критерий и поэтому должен быть закреплён. Соответствующим французским термином будет слово “illicite”. Вместе с тем было также указано, что слово «допустимость» предполагает, что некий орган, стоящий выше государства, решает вопрос о том, что совместимо с договором, а что нет.

104. Было также указано, что центральный вопрос при оценке оговорок заключается в том, должно ли государство отвечать возражением, и особенно в случае оговорок, сделанных в нарушение исключений, закреплённых в пунктах 19(a), (b) и (c) статьи Венской конвенции о праве международных договоров. Случаи, когда оговорка является, по мнению другого государства-участника, несовместимой с объектом и целью договора, оставляют многие вопросы открытыми в Венской конвенции, особенно в отношении правовых последствий таких оговорок или обязательства заявить к ним возражения.

105. Было указано также, что Комиссии следует проработать термин «недопустимые оговорки» в свете пунктов (a) и (b) статьи 19 Венской конвенции о праве международных договоров, а термин «недействительные оговорки» — в свете пункта (c) статьи 19 этой Конвенции. Предусмотренный в статьях 20 и 21 Венской конвенции режим мог бы применяться к оговоркам по пункту (c) статьи 19.

106. Отмечалось, что важно провести разграничение между «действительностью» и «противопоставимостью». В международном праве оценка государством действительности носит субъективный характер, и в этой связи одна и та же оговорка может одними государствами считаться действительной, а другими — недействительной. Ничтожность, представляющая собой санкцию за недействительность во внутреннем праве, по всей видимости, не является надлежащим результатом недействительности оговорки в международном праве.

107. «Противопоставимость», или, точнее, «непротивопоставимость», позволяет более точно описать санкцию за такую недействительность, оцененную субъективно. Государство, которое считает оговорку недействительной, могло бы заявить о непротивопоставимости ее последствий этому государству. Было также указано, что в этом контексте полезным было бы употребление термина «эффективность» или «правовая эффективность». Если же, с другой стороны, оговорка явно запрещена договором, было бы разумно считать ее ничтожной в силу самого характера и поэтому «недействительной». В этой связи подобная оговорка не будет порождать результата, ожидаемого делающим оговорку государством, и договор в целом будет по-прежнему связывать это государство. Существующие договорные отношения между делающим оговорку государством и другими государствами-участниками не будут ни в какой мере затронуты, и делающее оговорку государство не должно иметь возможности ссылаться на оговорку в своих договорных отношениях с другими государствами-участниками. Делающее оговорку государство не может действовать в соответствии с нормативным правилом по отношению к одному государству и действовать вопреки ему по отношению к другому. В таких случаях более уместными представляются термины «действительная/недействительная».

108. Было указано, что нет нужды проводить разграничение между случаями, когда оговорка, противоречащая статье 19, представляет собой существенное условие согласия государства, которое ее сформулировало, и прочими случаями. Государство не может заявлять, что оговорка, противоречащая статье 19 и сформулированная в момент, когда государство дало согласие на обязатель-

ность договора, являлась существенным условием этого согласия и что в этой связи оно не считает себя связанным договором. Однако если Комиссия сочтет целесообразным провести такое разграничение, то ей следует во избежание злоупотреблений разработать весьма четкие руководящие указания в отношении того, что представляет собой «существенное условие согласия» и каким образом оно может быть присвоено оговорке. Поскольку конвенционный характер международных договоров и добровольный характер договорных обязательств представляют собой фундаментальную основу договорных правоотношений, любая норма, которая допускала бы возможность связывания государства каким-либо договорным положением против его воли, признана быть не может.

109. Было указано также, что должны быть установлены пределы односторонним определениям обязательств, вытекающих из договора; становясь участником договора, государство обязано выполнять основное обязательство договора, отражающее его объект и цель; принцип *favor contractus* требует того, чтобы любые заявления, несовместимые с договором, считались недействительными; не следует допускать, чтобы государство, делающее недопустимую оговорку, извлекало выгоду из нарушения статьи 19 Венской конвенции. Если государствам разрешить делать любые оговорки по их усмотрению к договору под предлогом суверенитета, они могут полностью выхолостить его и сделать крайне сложным определение прав и обязательств в отношениях между двумя государствами-участниками, вытекающими из многостороннего договора.

110. Было отмечено, что единственным средством защиты государства-участника в отношении недопустимой оговорки будет ограниченное возражение против оговорки, препятствующей вступлению в силу договора между заявляющим возражение государством и государством, делающим оговорку. Однако подобное решение будет работать только применительно к синаллагматическим договорам и не будет работать в отношении договоров, устанавливающих обязательства *erga omnes*; в случае правозащитных и аналогичных договоров оно будет создавать нежелательные результаты. Некоторые обязательства по многосторонним договорам нельзя разделить на взаимные и двусторонние обязательства, поскольку они требуют, чтобы государства-участники действовали в соответствии с нормативными правилами, например, теми, которые относятся к правам человека, разоружению и окружающей среде. Если заявляющее возражение государство откажется вступать в договорные отношения с делающим оговорку государством, это не будет препятствовать присоединению делающего оговорку государства к этому договору и получению выгод от своей оговорки. Последствие будет заключаться лишь в том, что заявляющее возражение государство не сможет ссылаться на ответственность делающего оговорку государства за нарушение договора, в связи с чем по этой причине оно может решить воздержаться от заявления возражения. В результате этого любое государство получит возможность формулировать оговорку, несовместимую с объектом и целью договора, не рискуя при этом встретить возражение, в результате чего статья 19 Венской конвенции окажется полностью выхолащенной.

111. Кроме того, отмечалось, что, как продемонстрировала современная практика, не всегда можно с самого начала определить, является ли оговорка несовместимой с объектом и целью договора. В таких случаях государства-участники должны установить диалог с делающим оговорку государством, с

тем чтобы уточнить сферу применения оговорок. Единственно возможная реакция на недопустимые оговорки заключается в том, чтобы считать их незаконными и ничтожными.

112. Было указано также, что положения пункта 1(d) статьи 2 и пункта 1 статьи 23 Конвенции, касающиеся сроков и формы оговорки, также можно считать условиями действительности. В более общем плане оговорку следует считать ничтожной, если она противоречит императивной норме общего международного права согласно статье 53 Конвенции или если имеется порок согласия в соответствии со статьями 46–52, применяемыми *mutatis mutandis*. Если Комиссия не будет разрабатывать полномасштабный режим в отношении ничтожности оговорок, то эту проблему все же можно было бы отметить в ее руководстве.

Е. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права

1. Общие замечания

113. Решение Комиссии провести пять исследований по этой теме получило положительную оценку, и делегации приветствовали прогресс, достигнутый до настоящего времени исследовательской группой. Рассмотрение этой темы Комиссией является своевременным, и она представляет собой идеальный орган для рассмотрения различных исследований, несмотря на теоретический характер этой темы. Подобное рассмотрение будет способствовать повышению эффективности международного права.

114. Выступая за включение этой темы в текущую программу работы Комиссии, делегации настоятельно предложили Комиссии проявлять осторожность и изучать как положительные, так и отрицательные аспекты фрагментации. Важно сосредоточиться на существенных, а не на институциональных аспектах фрагментации, опираясь на практику государств и судебные решения.

115. Хотя работа исследовательской группы в значительной степени носит теоретический характер, некоторые делегации подчеркнули, что ее результат должен принести государствам практическую пользу. Ряд других делегаций особо отметили творческий подход исследовательской группы к этой теме и заявили, что с нетерпением ждут результатов работы, и не только в силу их важности по существу, но и как стимул в качестве возможного примера того, каким образом Комиссия могла бы вести работу в будущем по другим подходящим темам. Было указано, что работа Комиссии не должна ограничиваться традиционной подготовкой проектов статей, а могла бы включать также изучение новых форм и методов работы, которые бы способствовали развитию международного права.

116. Некоторые делегации заявили, что фрагментация международного права является одной из реальностей современных международных отношений, естественным последствием расширения международного права и признаком его динамичности. В то же время желание государств подчинять свои двусторонние и многосторонние отношения международно-правовым рамкам укрепляет международное право, а, с другой стороны, повышает вероятность коллизии

норм и правовых режимов. Поскольку число двусторонних и многосторонних договоров в различных областях за последние годы резко возросло, становится все труднее сохранять согласованность между различными правовыми режимами. Во избежание коллизии в нормотворческом процессе и толковании на- сущно необходимо в этой связи, чтобы практики имели четкое понимание по- тенциального воздействия норм международного права друг на друга. Таким образом, данная тема открывает возможность для обдумывания, и была выра- жена поддержка текущему направлению работы над ней, а работа по пяти раз- личным исследованиям будет содействовать определению существующих структур и процедур для устранения коллизий норм.

117. В этой связи было отмечено, что государствам необходимы практические указания в отношении того, каким образом устранять коллизии, обусловленные фрагментацией. С другой стороны, было отмечено, что доклады по исследова- ниям все же носят общий характер и получаемые из них руководящие указа- ния, видимо, можно было бы применять к широким областям международного права. В этой связи исследовательской группе было настоятельно предложено воздерживаться от экстраполяции руководящих принципов, извлеченных из ог- раниченного числа конкретных ситуаций или областей. Было указано, что одна из возможностей заключается в ограничении сферы применения любых руко- водящих принципов при помощи защитительной оговорки о том, что руко- водящие принципы не наносят ущерба возможной разработке других законов и соглашений по смежным предметам. Было отмечено также, что следует рас- смотреть возможность внесения изменений в соответствующие положения Венской конвенции о праве международных договоров или принятия резолю- ции, дающей толкование таким положениям.

118. Было также отмечено, что, хотя это и интересная тема, она носит чрезвы- чайно широкий и теоретический характер и не позволяет осуществить разра- ботку проектов статей или проектов руководящих положений. Более полезным продуктом могли бы стать пояснительные исследования, содержащие инфор- мацию о возможных подходах к решению затронутых проблем. Поддержку по- лучило желание рабочей группы подготовить в качестве результата работы коллективный документ по существу вопроса. Некоторые делегации, с интере- сом следя за тем, как пойдет работа по этой теме в будущем, зарезервировали свою позицию относительно результата и того, возможно ли сделать общие выводы по столь обширной теме.

119. Исследовательской группе было предложено обеспечить, чтобы выявлен- ные ее анализом положительные моменты могли быть использованы государ- ствами, и сначала представить определенные конкретные предложения, кото- рые бы могли служить практическим руководством. Комиссии было также предложено предоставить государствам как можно раньше возможность участ- вовать в обсуждении окончательного результата в интерактивном режиме в рамках Шестого комитета или в других рамках, таких, как дискуссионная группа или семинар, в отношении которых некоторые делегации проявили ин- терес в плане содействия их организации.

120. Ввиду академической направленности этой темы некоторые другие деле- гации по-прежнему сомневались в отношении целесообразности ее рассмотре- ния в Комиссии. Теоретический доктринальный интерес, который возник бла- годаря определенным исследованиям и наброскам, подготовленным исследова-

тельской группой, такие сомнения не развеял. Было отмечено также, что некоторые члены исследовательской группы выразили даже сомнения относительно того, насколько реально возможна нормативная работа в этой области.

2. Комментарии в отношении исследования о функции и сфере применения нормы *lex specialis* и вопроса об «автономных режимах» и о набросках различных остальных исследований

121. Делегации выразили признательность исследовательской группе и ее председателю за их усилия, отметив, что во всестороннем исследовании председателя исследовательской группы подчеркивается сложность и трудность этой темы и что оно способствовало уточнению определенных практических вопросов. Делегации приветствовали то обстоятельство, что будет подготовлено дополнительное исследование о региональных режимах и регионализме. Кроме того, было отмечено, что взаимосвязь между *lex specialis* и *lex posterior*, включая соответствующую дату применения *lex posterior*, нуждается в дополнительном изучении. Было указано также, что гипотеза в отношении безрезультатности «автономных режимов» заслуживает дальнейшего углубленного изучения.

122. Хотя, насколько можно судить, норма *lex specialis* эффективно функционирует в качестве метода толкования и коллизионной нормы, было признано, что она относится к той области «автономных» режимов, где возможность фрагментации ощущается особенно остро. Некоторые делегации поддержали мнение исследовательской группы о том, что термин «автономный» режим неправилен, поскольку можно подумать, что речь идет о некоем особом режиме, который полностью изолирован от общего международного права. Было высказано мнение о том, что по сути ни один из существующих договорных режимов, включая международные правозащитные договоры и правила Всемирной торговой организации, нельзя назвать автономными в смысле исключения применения общего международного права. Вывод о том, что общее международное право функционирует повсеместно за фасадом специальных норм и режимов и что никакие специальные нормы не могут быть изолированы от общего международного права, был назван значительным, поскольку в нем закрепляется, что появление специальных договорных режимов в таких областях, как торговля, права человека и окружающая среда, не означает, что этот международно-правовой режим утрачивает согласованность и находится в кризисе.

123. С другой стороны, было указано, что из трех смыслов, в которых употребляется термин «автономный» режим, категория, касающаяся функциональной специализации, например право прав человека, право Всемирной торговой организации («право ВТО») и гуманитарное право, нуждается в дальнейшем уточнении и анализе для выявления масштабов и последствий «локализации». В этой связи было указано, что некоторые области функциональной специализации, такие, как право прав человека или морское право, лишь условно носят автономный характер. Хотя в них существуют свои принципы, институты и телеология, эти принципы и нормы широко используются и применяются на различных форумах. В отличие от этого, насколько можно судить, существуют «закрытые» автономные режимы, например право ВТО, которые пытаются сохранять монополию в отношении толкования и применения своих норм и исключить обращение к другим форумам. Еще одним примером является международное уголовное право, которое со временем может стать более автоном-

ным в этом смысле слова. Хотя справедливо то, что общее международное право обеспечивает нормативную основу для права ВТО, его точная роль в этой автономной системе не ясна. Возникли сложные вопросы о том, дополняют или изменяют принципы общего международного права обязательства, закрепленные в соглашениях ВТО.

124. Было заявлено, что последняя ситуация оказывается более сложной, когда нормы «автономного режима» разрабатывались *sui generis*, а не с использованием широкой международно-правовой базы. Право прав человека уходит своими корнями в традицию международного публичного права, и налицо многочисленные связи между общим международным правом и правом прав человека. А право ВТО возникло из договорного режима, который в целом функционировал в изоляции от международного публичного права, и некоторые его практики отрицали какую бы то ни было связь с ним. В этой связи исследовательской группе предстоит продолжить изучение возможного наличия функционирования «закрытого» «автономного» режима.

125. Что касается наброска в отношении «толкования договора в свете "любых соответствующих норм международного права, применяемых в отношениях между сторонами"» (пункт 3(с) статьи 31) Венской конвенции о праве международных договоров) в контексте общей эволюции международного права и вопросах, вызывающих обеспокоенность международного сообщества, то было указано, что «соответствующие нормы» означают как договорные нормы, так и нормы общего международного права. В этой связи поддержку получило предложение исследовательской группы о том, чтобы продолжить рассмотрение вопроса о том, каким образом применяется обычное право и другие соответствующие нормы.

126. В отношении наброска «иерархия в международном праве: *jus cogen*, обязательства *erga omnes*, статья 103 Устава Организации Объединенных Наций как коллизионные нормы» некоторые делегации согласились с мнением о том, что иерархия норм в международном праве в целом не ведет к его фрагментации, а, наоборот, представляет собой неотъемлемую часть его силы и единства.

Е. Дипломатическая защита (доктрина «чистых рук»)*

127. Некоторые делегации заявили, что государство гражданства не может быть лишено его права на осуществление дипломатической защиты, когда обвинения в отношении его гражданина не связаны с претензией, применительно к которой оно добивается дипломатической защиты. Было отмечено, что доктрина «чистых рук» в отношении поведения гражданина не представляет собой дополнительное условие или требование для осуществления дипломатической защиты. При определении объема возмещения должна учитываться вина жертвы международно противоправного деяния.

128. Ряд других делегаций отметили, что доктрина «чистых рук» может быть использована против государства, осуществляющего такую защиту, только в отношении актов этого государства, которые не согласуются с его обязательствами по международному праву, а не в отношении ненадлежащего поведения гражданина этого государства. В этой связи поддержку получили содержащие-

* Проект статей см. в документе A/CN.4/549/Add.1.

ся в шестом докладе выводы Специального докладчика (A/CN.4/546) о том, что нет четких и достаточных оснований для включения в проект статей положения об этой доктрине. Было указано также, что эта доктрина является неточной и не в полной мере признана в международном праве и признана не всеми государствами и что в этой связи данный вопрос особо выделять не следует.

Г. Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (международная ответственность в случае ущерба от трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности)

[Проект статей см. в документе A/CN.4/549/Add.1]

Н. Другие решения и выводы Комиссии

129. Несколько делегаций сделали замечания по поводу метода работы Комиссии и ее долгосрочной программы.

130. В отношении метода работы Комиссии ряд делегаций выразили мнение, согласно которому Комиссии следует продолжать изыскивать пути повышения продуктивности и эффективности своих сессий. Следовательно, принципиально важно, чтобы в работе специальных докладчиков наблюдался хороший прогресс. В этом отношении группе по планированию Комиссии следует не только рассматривать будущие темы и части текущих дел Комиссии, но также предлагать свое видение того, каким образом Комиссия должна функционировать в будущем, поскольку она может производить документы, имеющие огромную важность для международного правопорядка. В этом контексте было сделано замечание о том, что эволюция программы работы Комиссии вызывает обеспокоенность, поскольку в нее включено пять тем, по которым достигнутый прогресс был неравномерным, хотя, видимо, можно было бы ожидать, что Комиссия достигнет значительных успехов в течение 10 недель своей ежегодной сессии. Если будет принято решение о расширении программы работы Комиссии, то необходимо будет установить приоритеты, особенно в свете предлагаемой будущей работы Комиссии по соответствующим темам; фактически Комиссии следует сосредоточить внимание на тех темах, которые могут привести к определенной форме кодификации или принятию полезных руководящих положений для толкования поведения государств.

131. Что касается долгосрочной программы работы Комиссии, то ряд делегаций поддержали включение вопроса о международном праве и ликвидации последствий стихийных бедствий в качестве возможной темы для исследования и задали вопрос о том, каковы возможности международного сообщества в контексте соответствующей отрасли международного права. Было отмечено, что Комиссии следует сосредоточить свое внимание на темах, кодификация и развитие которых могли бы способствовать удовлетворению нужд международного сообщества, используя свою обширную компетентность и опыт в области общего международного права. В этом отношении они дали высокую оценку практике сотрудничества с ассоциациями юристов, занимающихся кодифика-

цией и развитием международного права, и призвали продолжать сотрудничество такого рода.

132. Ряд делегаций выступили в пользу включения в текущий план работы Комиссии двух новых тем: «Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров» и «Высылка иностранцев». Некоторые делегации заявили о том, что хотели бы получить более подробные пояснения Комиссии в отношении оснований для их включения в данный момент. Было также высказано мнение о том, что темой «Высылка иностранцев» должны скорее заниматься другие органы системы Организации Объединенных Наций, например Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев или Комиссия по правам человека.

133. Что касается включения темы “Aut dedere aut judicare”, то некоторые делегации поддержали ее включение в долгосрочную программу работы Комиссии. По их мнению, в этой теме необходимо выделить две представляющие интерес области: связь между обязательствами aut dedere aut judicare и обязательствами в отношении прав человека и то, каким образом традиционное восприятие правила aut dedere aut judicare должно рассматриваться в свете современных концепций универсальной юрисдикции.

134. Поддержку получила также идея, отраженная в пункте 367 доклада Комиссии⁸ относительно ее кратких отчетов.
